

А. А. ЗИМИН

К ИСТОРИИ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 50-х ГОДОВ XVI в.

Реформы 50-х годов XVI в. — важный этап в истории Русского централизованного государства. Проведенные в обстановке напряженной классовой борьбы крестьянства и посадских людей, эти реформы имели своей основной задачей дальнейшую консолидацию господствующего класса феодалов и укрепление централизованного аппарата власти. В советской исторической литературе за последние годы появилось много работ, освещающих различные стороны преобразований 50-х годов XVI в. В этих работах уделяется внимание политической деятельности правительства Адашева и Сильвестра и борьбе между отдельными группировками за власть¹, Судебнику 1550 г.², преобразованиям в центральном правительственном аппарате³, внешней политике⁴. Вместе с тем отдельные стороны реформ 50-х годов XVI в. остаются недостаточно изученными. К их числу относятся прежде всего военные преобразования, сыгравшие важную роль в укреплении боеспособности русской армии и содействовавшие успехам русских вооруженных сил в годы борьбы за присоединение Казани и Астрахани. Настоящая работа посвящена изучению первых попыток военных реформ в 1549—1552 гг., т. е. в первый период деятельности правительства Адашева и Сильвестра, проводивших политику компромисса между отдельными группировками класса феодалов.

¹ См. напр., С. М. Бахрушин, «Избранная рада» Ивана Грозного — «Научные труды», т. II, М., 1954, стр. 329—352; И. И. Смирнов, Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. — «Исторические записки», т. 43, стр. 150—181; С. О. Шмидт, Правительственная деятельность А. Ф. Адашева — «Ученые записки МГУ», вып. 167, М., 1954, стр. 25—53.

² См. публикацию «Судебники XV—XVI вв.», М.—Л., 1952, а также И. И. Смирнов, Судебник 1550 г. — «Исторические записки», т. 24, стр. 267—352; Б. А. Романов, Судебник Ивана Грозного — «Исторические записки», т. 29; его же: К вопросу о земельной политике Избранной рады — «Исторические записки», т. 38; его же: О полном холопе и сельском поле в Судебнике Ивана Грозного — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 140—145; его же: К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. — «Исторические записки», т. 52.

³ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, М.—Л., 1950; С. О. Шмидт, Челобитенный приказ в середине XVI в. — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1950, т. VII, № 5, стр. 445—458; А. А. Зимин, О сложении приказной системы на Руси — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 3, 1954, стр. 164—176.

⁴ М. Н. Тихомиров, Присоединение Чувашии к Русскому государству — «Советская этнография», 1950, № 3; Е. Н. Кушева, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34; С. О. Шмидт, Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549) — «Труды Московского государственного Историко-архивного института», т. 6, М., 1954, стр. 187—257.

Образование централизованного государства привело к серьезным сдвигам в составе и организации вооруженных сил на Руси. Однако создание многонациональных государств на Востоке Европы происходило, как известно, в условиях еще неликвидированного феодализма. Поэтому и вооруженные силы на Руси долгое время сохраняли еще черты войска периода феодальной раздробленности. В этом отношении особенно показательно наличие раздробленных войск не только у удельных княжат, но и у княжат «служебных». В процессе объединения земель в единое государство многие княжества и бояре вошли со своими вотчинами и «дворами» (вассалами, свободными и несвободными слугами) в состав Русского централизованного государства и сохранили некоторые феодальные права и привилегии. С этими правами русскому правительству приходилось вести напряженную борьбу. Одним из таких прав было так называемое «право отъезда» к другому сюзерену. В условиях образования единого Русского государства осуществление «права отъезда» превращалось в прямую государственную измену, поскольку «отъезды» могли быть теперь совершены только в пределы великого княжества Литовского¹. Средством борьбы с этими отъездами было взятие клятвенных (и поручных) записей на верность службы московскому великому князю². Вторым важным правом привилегий княжеско-боярской аристократии было местничество, мешавшее привлечению на высшие командные должности талантливых военачальников незначитного происхождения. Вред местничества уже осознавался современниками. Так, говоря о неудаче похода на Казань 1530 г., один летописец прямо писал, что русские войска «не взяли города потому, что воеводы Глинской з Белским меж себя спор учили о местах, которому ехати в город наперед»³. К середине XVI в. местничество на практике подвергалось серьезным ограничениям: правительство стремилось учесть при назначении воеводами не только «породу» (знатность), но и «службу», т. е. опыт службы в вооруженных силах. Отдельными указами правительство вовсе отменяло местнические счета в армии на время того или иного похода.

Отменялись также на время похода счета между отдельными воеводами. Так, летом 1540 г. от имени Ивана IV было написано кн. Ю. М. Булгакову, местничавшему с кн. В. А. Микулинским, «чтоб он ко князю Василью Андреевичу ездил и дела великаго князя берег с ним за один, а та ему служба не вмест[н]а, а как служба минетца, а будет ему до князя Василья дело о местах, ино им тогда дати суд»⁴. Все эти ограничения были явно недостаточны, и к середине XVI в. все чаще и чаще раздавались голоса, требовавшие окончательной отмены местничества — этого типичного пережитка феодальной раздробленности в организации вооруженных сил.

Первые сведения о правительственных планах ограничения местничества мы находим в одном любопытном проекте, сохранившемся в сборнике волоколамского игумена Ефимия Туркова (Гос. Публ. биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Q XVII, № 50, лл. 332 об.—339), ученика видного церковного деятеля середины XVI в., участника Стоглавого собора, новгородского архиепископа Феодосия. Впервые

¹ Подробнее см. А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., М., 1954, стр. 20.

² См. СГГ и Д, ч. 1, № 162, 165—166 и др.

³ ЦГАДА, собр. Оболенского № 42, л. 25.

⁴ Древнейшая разрядная книга (ДРК), М., 1901, стр. 110; ср. стр. 128.

издал текст проекта И. Н. Жданов, приурочивший его к Стоглавому собору, ибо по своему стилю и содержанию он напоминал царские вопросы на Стоглаве, помещенные в Сборнике после проекта¹.

Позднее Н. Конанов обратил внимание, что в проекте ставился вопрос о монастырских слободах, тогда как он был решен в сентябрьском приговоре 1550 г.; таким образом, проект мог быть составлен только до сентября 1550 г.² Еще более уточнил дату документа С. О. Шмидт, указавший на отсутствие в нем упоминания об июльском приговоре 1550 г. относительно отмены местничества, тогда как решения о местничестве конца 1549 — начала 1550 г. там отмечаются. С. О. Шмидт связал проект с предполагаемыми им заседаниями Земского собора, которые могли иметь место в июне — июле 1550 г.³

Однако есть основания для более точной датировки памятника. Проект реформ во всяком случае составлен до издания Судебника Ивана IV в июне 1550 г., ибо в нем имеются ссылки на «уставные книги» Ивана III и Василия III и ни слова нет о Судебнике Ивана IV, хотя поднимаются вопросы, так или иначе нашедшие отражение в этом законодательном своде (например, о боярском землевладении и т. д.).

Проект не мог быть составлен ранее похода на Казань, т. е. ранее ноября 1549 — марта 1550 г. Но вероятнее всего, что царь отдал распоряжение о составлении проекта еще под Казанью. Проект, составленный в виде царских предложений, обращенных к церковному собору, князьям и боярам, начинается с упоминания об ограничении местничества, которое было проведено во время этого похода. По тексту получается, что во время написания проекта царь находился под Казанью: «И как приехали к Казани, и с кем кого ни пошлю... бывает дело не крепко; и отसेле куды кого с кем посылаю... помешка бывает».

Царь отправился под Казань из Нижнего Новгорода 23 января 1550 г.⁴, а вернулся в Москву в марте 1550 г.⁵ Таким образом, разбираемый проект был написан около февраля 1550 г.⁶ Если поводом для его составления было местничество воевод под Казанью, то причины этого лежали глубже; они коренились в необходимости серьезных преобразований государственного аппарата, к которым было приступлено еще в феврале 1549 г.⁷

В проекте говорится о трех приговорах по вопросам местничества: первый из них был дан в Москве перед отправкой в поход (ноябрь

¹ И. Н. Жданов. Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 174. К Жданову присоединился Маркевич. См. А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв., Одесса, 1888, стр. 270.

² Н. Конанов. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава — «Богословский вестник», 1904, апрель, стр. 697—699.

³ С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия, стр. 73—75 (рукопись диссертации).

⁴ ДРК, стр. 137.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 160.

⁶ Интересна статья проекта о том, чтобы над ногайскими послами «наши никоторого лиха не чинили». В начале февраля 1549 г. в ответ на ногайское посольство, просившее помощи для борьбы с Турцией и Крымом, отправлено было первое русское посольство после пятилетнего перерыва (Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 242—243). 12 апреля 1550 г. получили «отпуск» ногайские послы, зимовавшие в Москве (Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 218). Возможно, что статья о «ногаях» составлена в связи с пребыванием ногайского посольства в Москве.

⁷ Проект этот удивительным образом переключается с предложениями Ермолая Еразма, высказанными в его сочинении «Благохотящим дарям правительница и землемери»; в проекте затронут и вопрос о мыте, кормах, о переписи и о поместьях в связи с военной службой, т. е. все те вопросы, которые волновали Ермолая-Еразма. Очевидно, этот публицист писал тогда же, когда и составлялся проект реформ.

1549 г.) — чтобы «во всяких посылках в всяком разряде не местничатся»¹. Этот приговор был подтвержден во Владимире (декабрь 1549 г.) и в Нижнем Новгороде (январь 1550 г.).

До нас дошла запись о приговоре во Владимире из разрядных книг. Согласно этой записи, на время Казанского похода все местнические счета между служилыми людьми отменялись («розни бы и мест меж их однолично никоторые не было... для земского дела все ходили без мест»). Все местнические счета должны были быть разобраны по возвращении из похода («А кому будет каково дело о счете, и как оже даст бог своего дела и с земского придет, и государь им счет тогда даст»)².

Владимирский приговор (декабрь 1549 г.) дошел не только в записи разрядных книг, но и в одной дефектной копии, изданной П. Свиным³. В этом списке имеются пометы дьяка Ивана Елизарова, печатника и дьяка Н. Фуникова и дьяков А. Васильева и У. Львова, говорящие о том, что список восходит к официальному тексту. После слов «велел написать» идут слова: «дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи велел руки свои приложить». В конце документа помещена фраза: «Дьяк Андрей Васильев уложил о наряде и применения ему доведется разряде».

Список Свинына дает более точные сведения о приговоре 1549 г., чем запись разрядной книги. Приговор 1549 г. был принят как чрезвычайная мера. Однако он был явно недостаточным. Об этом свидетельствуют местнические споры воевод под Казанью, чем в известной мере объясняется неудача похода («ни всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле»)⁴.

Поэтому уже в июле 1550 г. правительство Ивана Грозного издало новый приговор о местничестве⁵, подтвердивший и конкретизировавший постановление 1549 г. о местнических делах⁶. Впрочем, приговор стремился не отменить, а лишь урегулировать местнические счета. В нем прежде всего устанавливалось старшинство первого (большого) воеводы большого полка по отношению к воеводам всех других полков. Таким путем укреплялось единоначалие в армии. Эта реформа вполне соответствовала пожеланиям И. С. Пересветова, высказанным как раз в сентябре 1549 г., — о том, чтобы все военачальники подчинялись мудрому «паше», назначенному царем⁷.

¹ ГПБ, QXVII, № 50, л. 333.

² ДРК, стр. 137.

³ «Отчетственные записки», 1826, ч. XXVIII, стр. 427—428; переиздан Н. П. Лихачевым в его книге «Разрядные дьяки XVI в.», СПб., 1888, стр. 235—237.

⁴ Отдел рукописей ГПБ, QXVII, № 50, л. 333 об.

⁵ ДРК, стр. 142—143; ср. СГТ и Д, ч. II, № 38. Сохранилось вольное изложение этого приговора в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XIII, стр. 267), откуда оно попало в текст Татищевского издания Судебника 1550 г. с приложениями, послужившего источником для издателя Актов Исторических (АИ, т. I, № 154). Приговор Никоновской летописи не может быть одним из приговоров конца 1549 — начала 1550 г. (И. Н. Жданов, например, полагал, что это владимирский приговор), ибо изложен не как экстраординарная мера на один поход, а как постоянно действующее распоряжение. Перед нами просто вольное изложение июльского приговора 1550 г.

⁶ В приговоре 1550 г., в отличие от приговора 1549 г., более тщательно регламентируются местнические отношения воевод. Если в первом устанавливалось, что второй воевода Большого полка должен быть «без мест» по отношению ко всем другим воеводам, то во втором устанавливалось, что он должен быть «без мест» лишь по отношению к большому воеводе правой руки. В приговоре 1550 г. специально оговаривалось, что все воеводы «меньше» большого воеводы Большого полка, так как ранее просто вводилось звание Большого воеводы. Уточнялось в приговоре 1550 г. и местническое положение воеводы полка левой руки, которые были «не меньше воевод передового и сторожевого полка».

⁷ «А коли сам царь пойдет противу недруга, и он пошлет пашу мудрово по свое место цареву, да всем пашам велит его послушати и нити» («Сочинения И. С. Пересветова», М.—Л., 1956, Музейный список, л. 62 об.).

их к тысячникам остается в ряде случаев весьма сомнительной. Дело в том, что они упомянуты лишь по имени и фамилии, а этого не всегда достаточно для отождествления их с тысячниками. Таких минимум 14 человек из 90¹, а может быть, и больше². Некоторые из упомянутых лиц были бояре, окольные и другие думные люди. Этичины, конечно, могли бы получить свои земельные пожалования независимо от испомещения тысячников³. Всего получается примерно 60—70 человек⁴ из помещиков 50—60-х годов XVI в. в Московском, Рузском и Звенигородском уездах, которые входили в состав «избранной тысячи». Такое ничтожное число не позволяет сделать вывод, что реформа была проведена: 60—70 человек могли получить землю и позднее, тем более, что их полагалось наделить по проекту реформ.

В пользу этого предположения говорит распоряжение Ивана IV от 28 января 1556 г. отписанное на его имя новгородское поместье С. А. Аксакова (тысячника по Кашину), ибо «Семена Аксакова пожаловали есмя поместьем в московских городех»⁵. Некоторые тысячники, несмотря на указание самой Тысячной книги, имели владения в Московском уезде независимо от проекта реформы 1550 г. Так, у Романа Пивова (тысячника по Ярославлю) была в этом уезде «старая вотчина» его отца⁶.

Не позволяет сделать вывод об осуществлении реформы 1550 г. и анализ боярской книги 1556 г.⁷ Всего в этой книге нами выявлено около 60 тысячников. Для значительной их части трудно определить, получили ли они земли по реформе 1550 г., ибо размеры их достигают 300—500 четвертей. Но в ряде случаев с абсолютной точностью устанавливается, что под Москвой у тысячников поместий не было. Так, у 14 служилых людей

¹ Например, в книгах упомянуты: Андр. Дашков, Б. Засекин, И. Зачесломский, Фед. Кайсаров, Ив. Карамышев, Фед. Карпов, Вас. Кольчев, Ив. Мятлев, Ив. Осоргин, Гр. Плещеев, Ив. Погожево, Ст. Погожево, Вас. Тетерин, Ив. Яхонтов. Но лица, носившие эти имена и фамилии, в середине XVI в. были как среди тысячников, так и среди дворян, не попавших в состав избранной тысячи.

² Например, мы не можем доказать испомещение в 1550 г. Ромодановского, служившего, согласно Тысячной книге, по Москве, т. е. имевшего там владения еще до составления Тысячной книги.

³ Д. А. и П. А. Булгаковы (бояре), Долгат Карпов (окольный), М. Я. Морозов (боярин), П. В. Морозов (окольный), Дм. Палецкий (боярин), Л. А. Салтыков (оружничий), Д. И. Хилков (боярин).

⁴ Петр Акинфов, Н. М. Аксаков-Товарищев, И. Барышев, В. А. Белого, Ф. Бутурлин, Фед. Вокшерин, Никифор Волохов, Дан. Гагарин, Н. Д. Годунов, Белиница Головин, Бор. Голоцелов (Дмитриев), Ив. Горенский, Д. В. Гундоров, Андр. Дашков, И. Н. Дубенский, И. Елизаров, Ф. Елизарьев, Алексей Ершов (Линев), Сем. Засекин, К. Зачесломский, И. П. Звенигородский, Мисюр Зюзин, Филипп Кайсаров, Дм. Кикин, И. А. Кикин, Андрей Кляников, П. Кольчев, В. В. Коробов, Ив. Коробов, Аф. Ив. Курчев, Гр. Ив. Нагой, С. Ф. Нагой, Д. С. Новосильцев, И. П. Новосильцев, З. Т. Обарин, Ст. Обобуров, Р. М. Пивов, З. И. Плещеев, Гр. Погожево, Александр Прозоровский, Плакида Прокудин, Матвей Пушкин, Лука Раков, Андр. Рахманинов, Фед. Сабуров, Ф. И. Салтыков, Ф. В. Сиснев, Гр. Сукин, Никита Суцев, А. И. Татев, П. И. Татев, Ф. И. Татев, М. Товарищев, С. М. Товарищев, Ф. Троекуров, С. А. Унин, Л. П. Хитрово, В. Т. Хметевской, Т. С. Чебуков, Никита Чулков, Ф. В. Шереметев, И. Шестов, Аф. Л. Шубин. Упомянутого в Писцовой книге Ив. Ершова Мятлев отождествляет с И. А. Лиевным, а М. К. Морозова — с М. К. Давыдовым.

⁵ ДАИ, т. I, № 52/XXX. Впрочем, получив ли Аксаков земли под Москвой или вообще в центральных районах Русского государства («Московские города»), остается неизвестным.

⁶ ПКМГ, т. I, отд. 1, стр. 212. Владели также в Московском уезде землями тысячники — «москвичи»: Л. Брехов (вотчиной), В. П. Головин, Л. В. Мансуров, В. Пушкин (вотчиной), С. Стародубский (вотчиной), А. Щелкалов. Вотчинами в том же уезде владели тысячники других уездов: И. Кашин, З. Плещеев, А. Тарбеев, Ю. Токмаков.

⁷ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», т. III, М., 1861.

поместья исчисляются в обжах, а не в четвертях, как обычно¹. По Тысячной книге мы знаем, что это были новгородские, ржевские и торопецкие помещики. У 14 лиц поместья исчислены в выгах². Согласно Тысячной книге, это были псковские и торопецкие помещики. Таким образом, ясно, что во всяком случае у 28 лиц под Москвой поместий не было. Следовательно, боярская книга 1556 г. свидетельствует о том, что тысячники псковичи и новгородцы под Москвой землю не получили. Проект реформы, вероятно, вследствие сопротивления реакционной части боярства, остался неосуществленным. Правительственный замысел лишь много позднее был исползован при организации опричнины.

Возможно, в провале проекта сыграло роль то обстоятельство, что у правительства не было необходимого фонда свободных земель под Москвой. В годы опричнины испомещение было проведено за счет боярского землевладения; во время же правления Адашева и Сильвестра этого сделать еще было нельзя³. Впрочем, одна из сторон предполагавшейся реформы вскоре уже осуществилась. В 1551—1552 гг. была составлена Дворовая тетрадь, куда попали все служилые люди государева двора, из которого черпались основные кадры для комплектования командного состава армии, для замещения высших правительственных должностей и т. д.⁴ Отныне ежегодно по Дворовой тетради происходила проверка наличного состава государева двора. Судя по Дворовой тетради, его основную массу, несшую службу по «дворовому списку», составляли дети боярские, что свидетельствовало о росте политического влияния дворянства.

В свое время автором этих строк было сделано предположение, что Дворовая тетрадь являлась реальным списком государева двора и была составлена в 1551—1552 гг. и что дата «7045», имеющаяся в некоторых ее текстах, является испорченной от «7060»⁵.

Это предположение, однако, наталкивалось на некоторые препятствия, имевшиеся в Никифоровском списке памятного: там были помещен И. Г. Морозов (по сведениям Шереметевского списка дворовых чинов, умерший в 1549 г.) и имелись пометы 7056 (л. 102 об.) и 7094 (л. 147); три раза были упомянут 7060 год (л. 116 об., 117, 127 об.). В своей рецензии на издание Дворовой тетради И. И. Смирнов полагал, что «время составления Тетради дворовой придется отодвинуть еще дальше — к началу 60-х годов», так как пометы в Никифоровском списке ведут нас к десятилетиям 50-х годов XVI в.⁶

В настоящее время найден новый Музейный список Дворовой тетради.

¹ С. Д. Аксаков, И. П. Блаженков, М. Д. Игнатьев, И. И. Кобылин-Мокшеев, Т. Г. Кокоскин, Ф. В. Крюков-Сорокоунов, С. Ф. Нагаев, С. И. и С. Ф. Нащокины, А. Е. Огарев, В. А. Сабуров-Вельяминов, Д. К. Хлопов, Г. С. Цыплятев, И. Д. Щеплин-Ростовский.

² Б. У. Болтин, М. Ф. Бурцев, Б. А. Вешняков, Н. Ф. Вышеславцев, А. Д. Гурьев, Р. Д. Игнатьев, А. Ш. и В. В. Плещеевы, Ф. Л. Соловцов, М. Д. Хвостов, А. З. и Н. З. Челоговы, А. А. Шмойлов, С. У. Юренев. При этом у А. Ш. Плещеева выгы 17 вытей, а в серпуховском смотре «за собою сказал 170 четя»; у Ф. Л. Соловцова — 33 выты, по серпуховскому смотру — 300 четвертей. Выты, следовательно, были просто переверстаны на четы из расчета выты=10 четей.

³ Наши наблюдения о Тысячной книге подтверждает Н. Н. Масленникова, установившая, что тысячники-псковцы находились в своих поместьях в Пскове до конца XVI в. (Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, Л., 1955, стр. 122—123).

⁴ В Дворовой тетради мы находим около 610 тысячников «Московских городов» (исключая Псков, Новгород и Торopez) из общего числа 764. Тысячники, следовательно, в основной своей массе входили в состав государева двора.

⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., стр. 17, 18.

⁶ «Вопросы истории», 1950, № 7, стр. 116.

который решает этот вопрос¹. В его заголовке мы встречаем дату «7060» (т. е. 1551/52 г.), когда был составлен ее первоначальный текст, еще не оснащенный приписками.

Дата 1551/52 г. как время составления Дворовой тетради подтверждается и анализом списка бояр и окольничих из ее состава. В этих списках окольничие и бояре, получившие свои звания после 1151 г., помещены в хронологической последовательности².

Так, среди бояр последовательно помещены Д. И. Немой³, П. В. Морозов⁴, Ф. Г. Адашев⁵, В. Ю. Траханиотов⁶, И. М. Воронцов⁷, И. М. Троекуров⁸, И. В. Горянский⁹ и т. д. Последним среди бояр помещен Ф. И. Умный-Колычев, получивший свое звание в марте 1562 г.¹⁰

Такая же примерно картина наблюдается и в отношении окольничих. Здесь последовательно помещены: И. М. Воронцов¹¹, Д. А. Чеботов¹², А. Д. Плещеев¹³, Дав. Ф. Палецкий¹⁴, А. Ф. Адашев¹⁵, М. В. Яковлев¹⁶. Последним среди окольничих и других помещен А. А. Бутурлин¹⁷.

Итак, Дворовая тетрадь была действующим документом, к которому последовательно приписывались на протяжении 50—60-х годов XVI в. все новые данные о составе государева двора вплоть до начала 1562 г.¹⁸ Ее первоначальный текст был составлен в 7060 (1551/52 г.). Характерно, что среди бояр и окольничих, получивших свои звания до 1552 г., нет такого хронологически стройного порядка, как для лиц, получивших думные чины в более позднее время. Так, В. В. Морозов и И. Я. Чеботов, сведения об окольничестве которых относятся к лету 1551 г.¹⁹, помещены в разных местах списка: один — четвертым, а другой — через семь человек.

Таким образом, анализ текста Дворовой тетради подтверждает сведения пометы Музейского списка о составлении основной части памятника в 1551/52 г.

¹ ГИМ, Музейное собр., № 3417, Сборник 60-х годов XVI в. в лист, на 101 лл. На лл. 1—29 помещен родословец с введением «Выписано из гранографов... корень великих государей российских»; на лл. 29—42 об.—новый список Тысячной книги, на лл. 42 об.—89 об.—Дворовая тетрадь; на лл. 89 об.—98 об. помещен «Список 100 году» и на лл. 99—101—выпись Дм. Китаева. Состав музейного сборника близок к третьей части Никифоровского сборника (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь..., стр. 25).

² За исключением братьев старых бояр и окольничих. Так, например, Петр, Иван и Дмитрий Булгаковы стали боярами в 1555—1559 гг., но они помещены не в хронологической последовательности, приписаны к своему брату Федору, сделавшемуся боярином еще до 1552 г.

³ Упоминается как боярин летом 1552 г. (ДРК, стр. 155).

⁴ Боярин уже летом — зимой 1553 г. (ДРК, стр. 162, 165).

⁵ Боярин уже летом 1553 г. (ДРК, стр. 161).

⁶ Боярин уже в августе 1553 г. (ДРК, стр. 162).

⁷ Боярин уже в апреле 1555 г. (ДРК, стр. 8).

⁸ Боярин в 1554/55 г. (помета Музейного списка).

⁹ Боярин уже весной 1555 г. (ДРК, стр. 175). Далее среди бояр помещен Ю. И. Шемякин-Пронский, получивший это звание уже после похода на Астрахань в 1554 г. (в августе 1554 г. боярином еще не был — ДРК, стр. 166).

¹⁰ СГГ и Д., ч. 1, № 176.

¹¹ В сентябре 1552 г. уже окольничий (ДРК, стр. 157).

¹² По разрядам упоминается как окольничий впервые весной 1555 г. (ДРК, стр. 175); впрочем, он мог получить свое звание ранее этого: в разрядах он с 1550 г. (когда он еще не был окольничим) до 1555 г. не упоминается.

¹³ В сентябре 1552 г. уже окольничий (ДРК, стр. 157).

¹⁴ Летом 1553 г. уже окольничий (ДРК, стр. 162).

¹⁵ В ноябре 1553 г. уже окольничий (ДРК, стр. 5).

¹⁶ Летом 1555 г. уже окольничий (ДРК, стр. 173).

¹⁷ Получил звание окольничего к 1561 г. (Сб. РИО, т. 71, стр. 33).

¹⁸ Среди окольничих нет З. И. Онина-Плещеева и И. М. Хворостина, сведения об окольничестве которых относятся к концу 1562 г. («Витебская старина»; т. IV, 1885, стр. 32, 38; ДРК, стр. 234).

¹⁹ ДРК, стр. 149; Н. П. Лихачев. Сборник актов, СПб., 1895, стр. 219.

Благодаря Музейной рукописи устраняются и другие неточности, имевшиеся в Никифоровском списке¹. Если ранее мы имели только один список Дворовой тетради, содержащей интереснейшие пометы о служебных перемещениях верхов московского дворянства, то теперь к этому списку прибавляется другой, не только корректирующий его сведения, но и дающий ряд новых и интересных помет, опущенных составителем Никифоровского списка². В то же время Никифоровский и Музейский списки восходят к общему протографу, который хотя и не был подлинником 1551/52 г., но представлял собою один из списков 50-х годов XVI в.³ Дело в том, что в обоих списках имеются текстуально совпадающие пометы⁴, говорящие о том, что их протограф не был подлинником⁵. В Музейном списке (в отличие от Никифоровского) значительная масса помет находится на полях или между строк: составитель этого списка копировал их размещение, имевшееся, очевидно, в протографе. Однако много помет не выделено из самого текста памятника, как это было, очевидно, и в самом протографе.

Весьма возможно, что составитель протографа Никифоровского и Музейского списков Дворовой тетради брал свои данные не только из подлинника 1551/52 г., но и из приказной документации XVI в. (боярские списки, десятины).

Новые материалы Дворовой тетради дают дополнительные сведения о служебной деятельности в середине XVI в. видных представителей господствующего класса феодалов, многие из которых вошли впоследствии в состав войска опричников.

Составление Дворовой тетради оформляло выделение привилегированной части служилых людей в особую группу, служивших по дворовому списку (в отличие от городского дворянства). Дворовые дети боярские составляли основной контингент представителей господствующего класса, который назначался на высшие военные и административные должности. Поэтому составление Дворовой тетради отвечало интересам верхов русского дворянства и являлось попыткой осуществить в иных формах проект 1550 г. о выделении из числа дворян «тысячников», без применения для этой цели каких-либо массовых земельных пожалований.

Дворянская конница составляла в середине XVI в. основную массу русского войска. Однако уже с начала XVI в., в связи со значительными сдвигами, происшедшими в вооружении (распространение огнестрельного оружия), в составе русских вооруженных сил появляются отряды пищальников, свидетельствующие о зарождении на Руси элементов постоянной армии. Пищальники составили то основное ядро, из которого выросло стрелецкое войско.

¹ Так оказывается, что И. Г. Морозов умер только в 1554/55 г.—«63-го умре» (ср. л. 86). Вместо неверной даты 7056—7066 (л. 102 об.), вместо 7094—7064 (л. 147), вместо 7060 г.—7062 (л. 116 об.), 7065 (л. 117), 7067 (л. 127 об.). Таким образом, первые датированные пометы относятся теперь к 7062 году.

² Например, Д. Д. Пронский «63-го, умре», М. В. Глинский «68-го, умре», С. И. Миклушинский «68-го, умре», Ф. Г. Адашев «65-го, умре», Я. А. Салтыков «66-го, июня, боярин», Дав. Ф. Палецкий «66-го, июня умре», Ф. П. Головин «65-го, умре», С. В. Яковля «65-го, генваря», боярин; Сыдавной Зачесломский не «в доме», а в «ызыманье» (стр. 151).

³ Более поздним временем датировать протограф нельзя, ибо тогда Дворовая тетрадь уже не использовалась в повседневном делопроизводстве.

⁴ См., например, л. 86 об. («В подлинно почернен»); л. 131 об. («Над ним же пис (ано), у царьцы»); л. 133 («Прозвища не написано»).

⁵ См., например, л. 116 об. («62 году отставлен»), л. 117 об. («помечен вдвое»).

Большинство советских исследователей датирует появление стрельцов 1550 годом и связывает его с известным продолжением хронографа 1512 г. о «выборе» Иваном Грозным «стрельцов ис пищалей»¹. А. В. Чернов относит возникновение стрелецкого войска к 1545 г.², основываясь на сведениях автора Казанской истории о стрельцах под 1546 и 1547 гг.³ При этом все исследователи подчеркивают важность организации стрелецкого войска, явившегося зародышем постоянной армии на Руси. В «Хронологических выписках» под 1545 г. К. Маркс писал, что «Иван IV учредил постоянную личную охрану (Leibwache), которую он назвал *стрельцами*, так как она была вооружена пищалями (огнестрельным оружием вместо луков и колчанов). Часть этой охраны он разослал в остальные войска, чтобы они служили там основным ядром»⁴. Несмотря на то, что эта запись датирована 1545 годом, Маркс, несомненно, имеет в виду учреждение Иваном Грозным выборных стрельцов в 1550 г. Ни один русский источник не сообщает о каких-либо реформах Ивана IV в армии, которые были проведены в 1545 г.⁵ Сведения автора Казанской истории за 1546—1547 гг. также нельзя воспринимать без должной критики. В этом произведении, составленном в 1564—1566 гг., т. е. спустя 15 лет после реформы 1550 г., стрельцами могли называться отряды пищальников, имевшиеся в русском войске⁶. Но пищальники известны значительно ранее 1546—1547 гг. Поэтому необходимо выяснить отношение пищальников к стрельцам. Последние исследователи этого вопроса (С. Л. Марголин, А. В. Чернов) резко выступают против отождествления пищальников со стрельцами. «Пищальников, — пишет А. В. Чернов, — можно назвать предшественниками стрельцов и то лишь в части характера службы (рода войска) и вооружения... Во всем остальном (способ комплектования, внутренняя войсковая организация, служебное и материальное положение и пр.) стрельцы ничего общего не имели с пищальниками»⁷.

Впервые о пищальниках мы узнаем из разрядной книги, где они упоминаются под 1508 г.⁸ В Псковской первой летописи под 1510 г. говорится, что Василий III оставил в Пскове «детей боярских 1000, а пищальников новгородских 500»⁹. В поход 1512 г. под Смоленск было приказано собрать «з городов пищальники и на пскович накинуса 1000 пищальников, а псковичем тот рубеж не обычен»¹⁰. В 1535 г. среди русских войск в Гомеле были «дети боярские с ними же и пищальники»¹¹. Сообщая

¹ См. С. Л. Марголин. Начало стрелецкого войска. Ученые записки МОПИ, в. 1, М., 1939, стр. 51; см. также его рецензию на книгу А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» — «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 155.

² А. В. Чернов. Образование стрелецкого войска — «Исторические записки», т. 38, стр. 283; его же. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., стр. 46—47.

³ В июне 1546 г. касимовский царек Шах-Али отправился в Казань «не взя с собою... силы многия, ни стенобитного наряда, ни огненных стрелец» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 285. Ср. «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 79). В походе на Казань 1547 г. участвовали «копейники», «тулоносцы, огненные стрелцы» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 57, 297).

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, Госполитиздат, 1946, стр. 164.
⁵ С. Л. Марголин справедливо указывает, что дата «1545 год» «имела в записях К. Маркса условное значение; под той же датой у К. Маркса изложено уложение о службе 1556 г.» («Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 155).

⁶ Самый характер упоминания стрельцов автором Казанской истории вполне соответствует тому, что нам известно о пищальниках.

⁷ А. В. Чернов. Вооруженные силы..., стр. 190.

⁸ ДРК, стр. 41; ср. под 1512 г. (Там же, стр. 47).

⁹ Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 96.

¹⁰ Там же, стр. 97.

¹¹ ПСРЛ, т. XX, ч. 2, стр. 431. В том же году псковичи «нарядили» 500 пищальников (Псковские летописи, вып. 1, стр. 107).

о набеге крымского хана на Москву при Василии III, Герберштейн говорит, что на следующий год московский великий князь «впервые тогда пустил в дело пехоту и пушки»¹. В 1546 г. новгородские пищальники подняли бунт под Коломной². В походе на Казань 1549—1550 гг. пищальников «многих не было», что повлияло на неудачу этого военного предприятия³.

Пищальники представляли собой пешее войско, вооруженное огнестрельным оружием — пищалями. Располагались они отрядами в пограничных городах на северо-западе — в Пскове⁴, Ивангороде⁵, Кореле⁶, Торопце⁷, Ярославле (1517 г.)⁸ и др.⁹, а также в городах, составляющих южный и юго-восточный пояс, защищавший Русь от набегов крымцев и казанцев. Слободка пищальников была в Серпухове¹⁰. В «Крымских делах» упоминается, что в 1512 г. дети боярские, казаки, пищальники и «гости» приходили в Азов¹¹. Имелись пищальники в Кашире¹², возможно и в Коломне¹³. В ноябре 1537 г. пищальники, посольные люди и дети боярские находились «на службе» в Муроме¹⁴. Были пищальники и в Твери¹⁵.

Незадолго до прибытия на Русь Герберштейна (он был дважды — 1517 и 1526 гг.) в Замоскворечье Василий III «выстроил своим телохранителям новый город «Нали»¹⁶. Это бесспорно — слободка Наливки (у Якиманки). Речь в данном случае идет о создании слободки пищальников (в Наливках в XVII в. жили стрельцы)¹⁷. Перед нами прообраз позднейшей стрелецкой слободы в селе Воробьево. Очень интересно сведение П. Иовия (1525 г.) о том, что Василий III «учредил отряд кон-

¹ С. Герберштейн. Записки о Московитских делах, СПб., 1908, стр. 76.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 448.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 621.

⁴ Кроме указанных выше случаев, см. «пищальничьи дворы» в псковских писцовых книгах 1585—1587 гг. (Сб. Архива Министерства юстиции, т. V, М., 1913, стр. 12, 282, 340).

⁵ См. в документе 1535—1540 гг. из Ревельского архива (РИБ, т. XV, стр. 68—69).

⁶ В начале XVI в. в Кореле было 9 дворов пищальников, в Котляре — 1 двор (Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке, СПб., 1889, стр. 35, 38).

⁷ В Торопце в 1540—1541 гг. было 24 пищальника и вдова с сыном (Там же, стр. 60).

⁸ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, М., 1896, № V.

⁹ В Орешке в 1505 г. были «великого князя холопы пищальники и воротники» (Временник ОИДР, кн. 11, 1851, стр. 114; ср. ААЭ, т. I, № 205). Возможно, пищальники были и в Торжке (см. грамоту 1553 г. на сбор в Торжке поворотных денег «с черных дворов и слободских... оприч белых дворов и пищальных, которые от службы не отставлены». Акты А. Юшкова, № 169). Очевидно, термины «стрельцы» и «пищальники» некоторое время после реформы 1550 г. сосуществовали.

¹⁰ См. сотную 1551/52 г., где упомянуты Пищальникова слобода и Пищальникова улица (П. Ф. Симсон. История Серпухова, М., 1880, стр. 323).

¹¹ Сб. РИО, т. 95, стр. 140 (1515 г.).

¹² Акты гражданской расправы (АГР), т. I, Киев, 1860, стр. 94.

¹³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 448. Возможно, что в Коломну пищальников привез с собой Василий III для борьбы с Саиб-Гиреем.

¹⁴ Отд. Рукописей ГБЛ, Троицкое собр., кн. 527, № 259 (ср. М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения, вып. 2, № 13).

¹⁵ В писцовой книге 1543—1544 гг. упомянуто 6 дворов пищальников, живших в слободке Отроча монастыря (С. Шумаков. Из актов Тверского Отроча монастыря — чтение ОИДР т. 1896, кн. II, стр. 4—5).

¹⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 94.

¹⁷ История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 481. Предположение П. В. Сытина о том, что на «вспольях» поселены были 400 пищальников, выведенных из Пскова, не подтверждено источниками (П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I, М., 1950, стр. 47).

ных стрельцов»¹. Пищальники считались «людьми великого князя»² и были подведомственны в судебном отношении великокняжескому казначею, а на местах — городовым приказчикам³. Так же как и другие великокняжеские люди (например, бортники, пушкарники) пищальники имели жалованные грамоты, освобождавшие их от подсудности наместникам и содержавшие те или иные податные льготы⁴.

Пищальники, жившие в слободах на посаде, наряду со своим основным делом, занимались ремеслом и промыслами⁵. В 1540/41 г. один из пищальников в Торопце имел лавку в большом ряду⁶. Набирались пищальники, очевидно, из «охочих» людей (как и другие приборные люди), главным образом, из горожан⁷.

В сентябре 1508 г. Василий III «велел нарядит з городов пищальников и посошных»⁸. Условия набора были различны. Так, в 1512 г. в Пскове брали одного человека с 6½ дворов (взято 1000 пищальников с 6500 дворов «застенья»). В 1545 г. в Новгороде брали одного пищальника с 4 дворов (с 6564 дворов Новгорода и пятин взято 1845 человек)⁹. Согласно правительственному распоряжению, Новгород должен был нарядить «с дворов, посадов и пригородов 2000 пищальников (1000 конных и 1000 пеших), причём должно было быть «у конных и у пеших, у всякого человека по пищали по ручной»¹⁰.

За исправность выставления пищальников внимательно следили. Летом 1546 г. за то, что «в спорех с сурожаны» не доставили на службу 40 человек пищальников, 25 опальных новгородцев свезли в Москву «и животы у них отписали»¹¹.

Обеспечивались пищальники, как позднее стрельцы, денежным и хлебным жалованьем. «Пищальные деньги», предшествующие «стрелецким деньгам», шли на жалованье пищальникам. Они известны по источникам уже с 30-х годов XVI в.¹² Когда отряды пищальников вместе с другими войсками посылались на службу, то они, возможно, снабжались там за счет местного населения¹³.

¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 275. Впрочем, термин «стрельцы» у П. Иовия отсутствует; он говорит о «sclopatoriūm equitiam manipi» («Библиотека иностранных писателей о России», отд. 1, т. I, СПб., 1836, стр. 77).

² В 1535—1540 гг. упоминаются «великого князя пищальники» — РИБ, т. XV, стр. 68 («люди, деи, княжые; то ведает князь» — там же, стр. 69).

³ В 1543 г. каширские пищальники говорили: «Мы, господине, суд казначеев Ивана Ивановичя, ср.: «а велено их судити на Кашире приказником городовым» (АГР, т. I, стр. 94—108).

⁴ АГР, т. I, стр. 94—108. Не платили пищальники податей и в Серпухове в 1551—1552 гг. в отличие от других тяглых людей. Л. Болотников собирал в 1553—1554 гг. «поворотное в Торшку» опричь белых дворов и пищальных, которые от службы не отставлены» (Акты Юшкова, № 169).

⁵ АГР, т. I, стр. 94—108; пищальники «метали невод в Плюсе реке», где у них было свое «судно» (РИБ, т. XV, стр. 68—69).

⁶ Н. Чечулин. Указ. соч., стр. 60.

⁷ 50 пищальников новгородцев находились под Коломною в 1546 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 448); имеются также сведения о приборе пищальников псковичей и новгородцев.

⁸ ДРК, стр. 41.

⁹ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие, М., 1953, стр. 10.

¹⁰ ААЭ, т. I, № 205.

¹¹ ПСРЛ, т. IV, (2-е изд.), стр. 618.

¹² См. запись 1538/39 г. о взимании пищальных денег (П. А. Садилов. Указ. соч., стр. 418—419).

¹³ В одной грамоте, отправленной на Муром в ноябре 1537 г. Иваном IV, упоминались «дети боярские, которые стоят на нашей службе в Муроме и пищальники и посошные да емлют ден у их (т. е. Троицкого монастыря.—А. З.) крестьян корм»

О военной организации пищальников нам ничего не известно. Но если судить по организации стрельцов, то, очевидно, и у пищальников были свои сотские, десятские и пятидесятские. За это говорит и сама близость пищальников к посадскому населению: сотские, десятские и пятидесятские были чинами администрации черносошного и посадского населения.

Связь пищальников с позднейшими стрельцами несомненна. Что это так, видно хотя бы из документа 1598 г., в котором упоминается о службе новгородцев в стрельцах лет 50 и больше (т. е. во всяком случае с 40-х годов XVI в.)¹. Термин «стрельцы» существовал уже ранее XV в.; им обозначали тогда всякого воина, стрелявшего из лука, а позднее — и из пищали².

В этой связи особенный интерес представляет рассказ об осаде Казани 1530 г. Постниковского летописца, описывавшего события первой половины XVI в. (до 1547 г.)³. Во время осады пошел сильный дождь. Тогда «который был наряд, пищали полоторные и семипядные и сороковые и затинные, привезен на телегах на обозных к городу, а из иных было стрельяти по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали. И того ж дни, вылезчи из города, казанци в город обоз и весь наряд взяли». После этого войска стояли под городом 20 дней, но вынуждены были 30 июня 1530 г. отойти⁴.

Перед нами самое раннее упоминание о стрельцах, до сих пор известное в литературе. Летописец, написавший приведенный выше текст, не мог писать «задним числом», т. е. через 20 лет, как и не мог записать позднее и другие свои сведения: все они носят характер записей современника, изобилуют конкретными данными и подробностями, которые двадцать-тридцать лет не могли храниться в памяти. Итак, несомненно, что в 1530 г. стрельцы уже существовали. По контексту рассказа, особенно, если мы его сопоставим со сведениями автора Казанской истории о борьбе за Казань в 40-х — начале 50-х годов XVI в., напрашивается вывод о том, что стрельцы были другим наименованием (бытовым) пищальников. И. С. Пересветов в своих произведениях, написанных во всяком случае до осени 1549 г., также упоминает о «стрельцах» — воинах «огненной стрельбы», что подтверждает не только существование стрельцов до реформы Ивана Грозного, но и близость их к пищальникам.

Появление пищальников — зародыша постоянного войска, вербовавшегося из посадского населения, было событием большого значения. Говоря о перевороте в военном деле, произведенном порохом, Ф. Энгельс писал: «Чтобы добыть порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города»⁵.

Отд. рукописей ГБЛ, Троицкое собр., кн. 527, № 259; ср. М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения, вып. 2, № 11.

¹ ДАИ, т. I, № 150 («а служили деи они наши всякие службы лет... по пятидесят и болши»).

² Ср. Лаврентьевскую летопись под 1093 г. (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 220), хронограф редакции 1512 г. (ПСРЛ, т. I, ч. 1, стр. 113) и Никоновскую летопись под 1177 г. (ПСРЛ, т. X, стр. 3); Великие четыи миней, сентябрь 12—14, стр. 829, а также Геннадиевскую библию (Материалы картотеки древнерусского словаря).

³ ЦГАДА, собр. Оболенского, № 42. Летописец обнаружен М. Н. Тихомировым и издан им начиная с записей 1533 года (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской.—Исторические записки, кн. 46, стр. 278—288).

⁴ Там же, лл. 25—25 об.

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 156.

Дальнейшее развитие войска пищальников связано с реформами середины XVI в.: между сентябрем 1549 и августом 1550 г., очевидно, летом 1550 г.¹ Иван Грозный учредил «выборных стрельцов ис пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских». Было создано 6 «статей» (или «приказов») по 500 человек стрельцов с «головами» во главе. Стрелецкие «статьи» делились на сотни, имевшие своих сотников, пятидесятских и десятских². Иван Грозный «жалованье стрельцом велел давати по четыре рубли на год»³. И так, речь шла о реорганизации старых отрядов пищальников; «выборные стрельцы» созданы были «ис пищалей», т. е. из среды пищальников. Войско пищальников отныне стало именоваться стрелецким. Из него Иван Грозный выделил «выборный» отряд в 3000 человек. Казанский летописец сообщает, что Иван Грозный «еще ново прибыви к ним огненных стрельцов много, к ратному делу гораздо изученных и глав своих не шадящих»⁴. Вся организация стрелецкого войска представляла развитие строя отрядов пищальников. Реформа 1550 г. имела целью учредить «выборных стрельцов» или, говоря словами Маркса, «постоянную военную охрану». С этого времени термин «пищальники» постепенно исчезает⁵; им только изредка именуются пушкари-пищальники⁶.

Стрельцы, сыгравшие большую роль в походах 1551—1552 гг. на Казань⁷, сделались ядром постоянного войска. Хорошо вооруженное стрелецкое войско имело значительное преимущество над дворянской конницей, постепенно уступавшей ему место. Недаром Энгельс отмечает, что «с развитием бюргерства пехота и артиллерия все больше становятся решающими видами вооруженной силы...»⁸.

Однако прежде чем постоянное войско доказало свою жизненность и преимущества над дворянской конницей, должно было пройти не мало времени. Пищальники-стрельцы в XVI в. и войска «нового» строя в XVII в. были этапами становления постоянной армии в России.

* * *

Подведем некоторые итоги. Военные реформы в 1549—1552 гг., проведенные правительством Адашева и Сильвестра, привели к укреплению русских вооруженных сил: было ограничено местничество воевод, что поднимало боеспособность армии, реорганизованы отряды пищальников (получившие отныне наименование стрельцов) и т. д. Все это сказалось уже в ходе успешной борьбы Русского государства за Казань и Астрахань. Вместе с тем реформы 1549—1552 гг. носили компромиссный характер:

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 532. Сообщение помещено под 7058 г., в конце сведений за этот год (после записи за июль 7058) и перед записью октября (7059). Воробьево — подмосковное село; позднее там стрельцов мы не находим. В какой мере реформа 1549—1550 гг. была осуществлена, — остается все-таки не вполне ясным.

² АИ, т. II, № 355; Тысячная книга 1550 г., Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., стр. 215—220.

³ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 532.

⁴ ПСРЛ, т. XIX, стр. 44—45.

⁵ Н. Шпаковский писал: «После половины XVI века пищальники не упоминаются; возможно предположить, что пищальников стали именовать стрельцами» (Н. И. Шпаковский. Стрельцы.— ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 136).

⁶ См. ДАИ, т. I, № 91.

⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 163, 208, 211. См. подробнее А. В. Чернов. Образование стрелецкого войска, стр. 287—288. О стрельцах при Иване Грозном см. также И. А. Коротков. Указ. соч., стр. 14—28.

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 156.

феодалная аристократия еще сохранила свои позиции в командном составе русских войск, в 1550 г. не было осуществлено искомещение тысячников и, наконец, не были регламентированы служилые обязанности светских феодалов. Все это привело к тому, что правительство Адашева, в котором после разгрома боярского «мятежа» 1553 г. большую роль стали играть представители дворянства, в 1555—1556 гг. провело новые реформы («Уложение о службе» 1555—1556 гг., оформление Разрядного приказа в 1555 г., составление Государева родословца 1555 г. и Древнейшей разрядной книги 1556 г.), сыгравшие значительную роль в укреплении русских вооруженных сил.